

УДК 81.16'37

**О НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫХ МОДЕЛЯХ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

© 2013 г.

Т.Б. Радбиль

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

radbil@sandy.ru

Поступила в редакцию 10.12.2013

В работе рассматриваются некоторые национально-специфичные когнитивные модели концептуализации ситуации в современном русском языке. Анализируется использование глагольных лексем движения и физического состояния в аспекте семантической деривации.

Ключевые слова: национально-специфичные концептуальные модели, современный русский язык, семантическая деривация.

В современных когнитивно-ориентированных семантических исследованиях значение слова или выражения рассматривается как определенная концептуальная схема, являющаяся ментальным отражением опыта восприятия человеком предметов, явлений, состояний, событий окружающего мира. В этом смысле любое значение есть интерпретация некоего внеязыкового содержания, которая задает определенный способ концептуализации, осмысления типовой ситуации, связанной с нашими действиями в реальном мире, т.е. осуществляет моделирование определенного фрагмента реальности в семантической структуре языкового знака.

В концепции Г.И. Кустовой эту более содержательную семантическую структуру следует называть **когнитивная модель ситуации**: 1) когнитивная — потому что это то, что человек знает о данной ситуации и может использовать в других значениях слова, и потому, что эта информация является результатом познания внешнего мира, элементом опыта; 2) модель — потому что это все-таки не сама ситуация, а ее образ, смысловой коррелят (причем такие образы, по-видимому, будут разными для разных языков) [1, с. 38].

Однако одна и та же внеязыковая реальность может быть интерпретирована по-разному. Ср., например: (1) *Мальчик несет портфель* (задано минимально обусловленное, «прототипическое», исходное представление о способе данного действия); (2) *Мальчик тащит портфель* (в зоне субъекта имплицировано представление о трудности данного действия); (3) *Мальчик волочит портфель* (в зоне объекта имплицировано представление о его контакте с поверхностью). Примеры (2) и (3) иллюстрируют важную мысль Г.И. Кустовой о том, что при

концептуализации ситуации возможны два типа импликаций — связанных с позицией субъекта (его ощущениями, желаниями, особенностями восприятия) и связанных с наблюдением того, что происходит в объективном мире, с его объектами и субстанциями [1]. Как видим, одной и той же ситуации могут быть приписаны разные модели концептуального представления, что является когнитивной основой языковой синонимии.

С другой стороны, в разных ситуациях язык может увидеть нечто общее и «подогнать» их под единое языковое обозначение. Ср., например: (1) *Мальчик лежит на земле* (активный субъект занимает горизонтальное положение на поверхности); (2) *Снег лежит на земле* (вещество занимает к.-л. пространство на поверхности). Иными словами, во втором случае снег просто находится, существует на данной поверхности, и глагол *лежать* здесь — не глагол положения в пространстве, а глагол существования. Одним и тем же словом обозначены две совершенно разные ситуации, что является когнитивной основой языковой полисемии.

Согласно концепции Е.В. Падучевой здесь мы имеем дело с механизмом семантической деривации [2], основанным на мене двух параметров: мена тематического класса глагола — глагол физического состояния становится глаголом существования, и мена таксономического класса участника события — вместо активного субъекта-агенса выступает инактивная субстанция — вещество.

Дело в том, что смысловая общность в данных моделях концептуализации ситуации («занимать к.-л. пространство на поверхности ч.-л.») все же позволила осуществить этот перенос без ущерба для адекватного понимания, при этом первую ситуацию следует признать исходной

(«прототипической») по отношению ко второй. «Прототипической ситуацией» можно назвать наиболее типичный для данного этноса способ представления той или иной ситуации в его языковой картине мира. Это такая модель ситуации, которая распознается как эталонная и служит тем самым основой для сравнения, сопоставления с ней других ситуаций, возникающих в опыте. Именно прототипическая ситуация лежит в основе возможности переноса наименования с одной сферы опыта на другую: *писать* → *писать письмо* → *писать стихи* → *писать картину* → *писать музыку* [3, с. 213].

Суть дела в том, что прототипические ситуации как определенного рода когнитивные модели представления ситуации существенно различаются в разных языках именно способом представления одной и той же «объективной», реальной ситуации. Тем более различаются и их семантические дериваты, т.е. вторичные модели представления ситуации на базе прототипических. Отсюда вытекает национальная и культурная обусловленность наших концептуальных систем.

Как мы показали в уже упоминавшейся работе [3], одни и те же предметы, признаки, процессы в разных языках могут концептуализироваться с разной степенью конкретности. Так, например, в русском языке есть тенденция в одном и том же слове — глаголе передавать не только общую идею движения, но и способ ее осуществления. Скажем, идея ‘двигаться’ передается разными словами в зависимости от способа движения: *идти*, *ехать*, *лететь* (самолетом), тогда как во французском языке важна общая отвлеченная идея движения: *aller* (кстати, как и в английском — *go*).

Аналогичным образом в русском языке тщательно различаются разные оттенки действия ‘помещать что-л.’, избыточно передавая при этом семантический компонент, связанный с местом помещения или с формой помещаемого предмета: *класть*, *ставить*, *сажать*, *вешать*, тогда как во французском используется один глагол, выражающий абстрактную идею помещения — *mettre* (в итальянском тоже — только *mettere* ‘ставить, помещать’, в английском — *put* с тем же значением). Немецкий же язык в этом плане ближе к русскому — *legen* ‘класть’, *stellen* ‘ставить’, *setzen* ‘сажать’, *hängen* ‘вешать’. Одно и то же французское слово *partir* по-русски соответствует таким глаголам, как *ехать*, *скакать* и даже *ползти*.

Это и есть отправная точка рассуждений, предлагаемых в этой статье. В данной работе нас интересует национальная специфика когни-

тивных моделей концептуализации ситуации, связанная с русскими глаголами физического состояния (*лежать*, *сидеть*, *стоять* и их видовыми коррелятами)

Например, глагол *сидеть* в финальном фрагменте «Пиковой дамы» А.С. Пушкина: *Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17 номере....* — вполне ожидаемо передается в английском переводе этого произведения глаголом *to be*: *Hermann has gone mad. He is in ward #17 of the Obukhov Hospital...*

Дело в том, что в русских когнитивных моделях концептуализации ситуации нахождения субъекта в каком-л. вместилище вообще обычно («прототипически») имплицитно передается способ основного действия после проникновения: ср. *сидеть в тюрьме*. В английском в этой позиции снова идиоматично избирается глагол *to be*, содержащий общую идею нахождения где-л. — *to be in prison*.

Однако возникает вопрос, почему же Германн все-таки *сидит* в больнице, тогда как идиоматично эта когнитивная модель передается глаголом *лежать* (в больнице)? Суть в том, что эта больница — психическая, куда попадают не по своей воле, как в тюрьму, и язык тонко реагирует на эти различия. Ср. современную модель — *Он сидит в сумасшедшем доме*. С этим, кстати, связана и возможность двойкой концептуализации ситуации с психической больницей, для которой имеется две разные модели. Так, можно сказать *сидит в психушке*, если подчеркивается принудительный характер местонахождения, но можно сказать и *лежит в психической больнице*, если акцентируется связь с обычной больницей, с идеей лечения.

Любопытно, что и в случае с больницей, так же, как и с тюрьмой, английский язык избирает тот же практически десемантизованный глагол *to be*, выражающий обобщенную идею нахождения где-либо: *лежать в больнице* — *to be in hospital*.

Данные параллели прослеживаются и в других моделях концептуализации ситуаций. Например, по-русски *сидеть на диете*, а по-английски снова — *to be on a diet*. В данном примере, видимо, с помощью выбора данной лексемы в русском языке имплицитно передается идея дискомфорта ощущения субъекта от длительного нахождения в этом состоянии (по аналогии с *сидеть в тюрьме*). Кстати, и русский видовой коррелят *сесть на диету* — по-английски снова передается глаголом с обобщенной семантикой движения, т.е. активного действия субъекта — *to go*: *to go on a diet*.

Можно предположить, что во всех рассмотренных случаях в русском языке при концептуализации ситуации выбирается представление о наиболее вероятном **способе действия** / состоянии субъекта после помещения в данное место, наиболее характерном для него. Кроме того, в идее сидения есть, по-видимому, также импликация несвободы и некоторого связанного с этим дискомфорта, если данное состояние длится неопределенно долгое время — ср., например: *Мальчик весь день сидит дома; Зверь сидит в клетке*. В лежании же в течение длительного времени, напротив, просматривается представление о более удобном и естественном положении тела, чем в стоянии или сидении. В свою очередь, наличие потенциально негативных импликаций для ситуации *сидеть* порождают в зоне субъекта такие концептуализации, как *Он сидит на пособии / стипендии*, когда в модели концептуализации ситуации акцентируется идея переживания субъектом нехватки, недостаточности чего-л., т.е. опять же некоторого дискомфорта.

Именно поэтому по-русски — *в больницах лежат, в тюрьмах сидят, а в очередях стоят* (даже если это очередь на квартиру, делящая четверть века). Кстати, *на учете* мы тоже **стоим**, тогда как по-английски — здесь снова *to be* ('быть'): *to be on the books*. Возможна даже определенная градация по «степени дискомфорта»: *лежать* — минимум дискомфорта, *сидеть* — ее максимум, а *стоять* — дискомфортность, так сказать, в средней степени. С одной стороны, ситуацию *стоять* объединяет с ситуацией *сидеть* некое представление о дискомфорте данного состояния, имплицированной идеей долгого и упорного пребывания в этой ситуации, но в *стоять* нет идеи несвободы и определенной принудительности, как в *сидеть*. Зато для *стоять* имеется потенциально позитивная коннотация (в отличие от негативной для *сидеть*), связанная с семантическим компонентом 'занимать к.-н. значимое положение, выполнять к.-н. важные обязанности': *стоять у власти; стоять во главе учреждения; стоять на страже нравственности*.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем с когнитивными моделями ситуации поездки на транспортном средстве, точнее, посадки на какое-л. средство передвижения, которые в русском языке используют глаголы *сесть / садиться*: *сесть в / на метро, трамвай, автобус* и т.д. Здесь избыточно имплицирована наиболее предпочтительная, прототипическая форма действия уже после проникновения в транспортное средство, тогда как в английском языке эта же

ситуация концептуализируется иначе, через активность действия в зоне каузатора, с помощью глагола *to take* 'взять' — *to take a bus*.

Кстати, в русском языке также возможна модель концептуализации данной ситуации посредством выбора слова *взять* — но только для такси (*взять такси*). Возможно, в диахроническом плане это следует рассматривать как фразеологическую кальку с западных языков. Важно, что в русском языке использование глагола, предполагающего активное действие каузатора, возможно лишь для транспорта, который субъект нанимает лично, в отличие от общественного транспорта. Здесь в большей степени имплицирована свобода выбора субъекта в его действиях по посадке на транспортное средство. В английском же языке субъект ощущает себя активным деятелем, агенсом, во всех случаях, и потому он распространяет номинацию с семантикой 'взять' на все аналогичные ситуации — *to take a bus* и т.д. Русский же язык четко данные ситуации дифференцирует.

Также любопытно, какие тонкие различия между разными моделями концептуализации русский язык проводит с помощью использования предлогов НА и В. *Сесть на автобус / на поезд*, в отличие от *сесть в автобус / в поезд*, означает наиболее общий способ представления средства передвижения, тогда как у *сесть в автобус / поезд* есть добавочная импликация — идея погружения внутрь. Интересно, что в русском языке наиболее общий и идиоматичный способ концептуализации посадки на транспортное средство использует предлог НА, в норме предполагающий идею помещения на плоскость, т.е. на двумерную поверхность, в отличие от В, концептуализирующего идею погружения в трехмерную среду или место. Нет ли возможности говорить в этом случае об отражении в национально-специфичной модели концептуализации данной ситуации рефлекса древнего представления о прототипическом средстве передвижения, которое имеет открытую поверхность — ср. *сесть на телегу*, нельзя **в телегу*?

Нетрудно видеть, что в русских вариантах имеется уже упомянутый ранее механизм семантической деривации за счет смены тематического класса глагола — глаголы физического состояния переходят в глаголы существования. Действительно, и в тюрьме, и в больнице, и в очереди все мы — находимся, существуем, и только иногда — сидим, лежим, стоим. Также и в автобусе мы, в терминах Московской семантической школы, 'каузируем находиться', а уже потом, проникнув внутрь, сидим или стоим, смотря по обстоятельствам.

В целом можно утверждать, что для русского языка, по нашим наблюдениям, вообще довольно распространенным и вполне идиоматичным и нейтральным способом представления идеи **существования** или **нахождения где-либо** является ее представление через модель концептуализации самого элементарного физического состояния человека — *лежать, сидеть, стоять* и пр. То же, по-видимому, справедливо и для неодушевленных объектов / субстанций (веществ). Так, в одной из наших предыдущих работ указывается на то, как по-разному в русском языке и западных языках передается идея нахождения на поверхности. В русском языке в семантику глагола включается указание на форму объекта: *стакан на столе* — **стоит**, а *книга на столе* — **лежит**. В английском языке в этих случаях снова будет выбрана обобщенная бытийная конструкция *there is* — ‘есть, имеется, находится’ [3, с. 124].

Таким образом, распространенность данной национально-специфичной модели концептуализации ситуации в русском языке доказывается наличием целого класса семантических дериватов на базе мены таксономического класса участника события — одушевленный субъект меняется на неодушевленный объект или субстанцию (вещество), в результате чего меняется и тематический класс глаголов *лежать, сидеть, стоять*: глагол физического состояния переосмысливается в качестве глагола существования или нахождения где-либо.

Так, для глагола *сидеть* семантические дериваты со значением ‘быть’ или ‘находиться где-л.’ для неодушевленных актантов порождаются в таких моделях концептуализации:

(1) ‘быть, находиться в к.-н. месте, внутри чего-н.; быть помещенным куда-н.’: *Гвоздь сидит в стене*;

(2) ‘быть, находиться в к.-н. месте’ + добавочная импликация ‘производить определенное впечатление’ (здесь имеется включенная в концептуализацию ситуации позиция внешнего наблюдателя): *Костюм (хорошо / плохо) сидит*;

(3) ‘быть помещенным, погруженным куда-н.’ (с добавочным компонентом помещения **внутри**) + та же добавочная импликация ‘производить определенное впечатление’: *Корабль глубоко сидит*.

Для глагола *лежать* тоже характерны аналогичные модели концептуализации:

(1) для конкретного объекта, вещи — ‘быть, находиться’ (в отличие от *сидеть* — без обязательной валентности на помещение внутри чего-н.): *Книга лежит на полке; Вещь лежит без употребления*;

(2) для субстанции, вещества — ‘находиться на поверхности ч.-н., занимать собой пространство на поверхности ч.-н.’: *Снег лежит на земле*;

(3) для пространственного, географического или природного объекта — ‘быть расположенным где-н.’: *Город лежит в долине; Озеро лежит в степи*;

(4) для векторного объекта — ‘иметь направление куда-л.’: *Дорога лежит через лес; Путь лежит на юг*;

(5) для абстрактного объекта, явления, состояния — ‘находиться в концептуальной сфере в качестве психического, эмоционального, оценочного, модального и пр. атрибута к.-л. / ч.-л.’: *На тебе лежит вся ответственность; На родителей лежат все заботы о детях; На нас лежит долг гражданина*.

Сходные модели концептуализации ситуации присущи и семантическим дериватам глагола *стоять*:

(1) для объектов — ‘быть, находиться, иметь место где-н.’: *Дом стоит у реки*;

(2) для субстанций, веществ или состояний — ‘быть, находиться, иметь место **какое-н. время**’: *В комнате стоит табачный дым; В доме стоит шум*;

(3) для объектов, имеющих локативную характеристику — ‘быть расположенным где-н.’: *Полк стоит за рекой; За деревней стоит лес*;

(4) для абстрактного объекта, явления, состояния — ‘находиться в концептуальной сфере в качестве модального атрибута к.-л. / ч.-л.’: *Перед нами стоят важные задачи; Стоит вопрос о дисциплине*.

Отметим, что здесь приведены далеко не все возможные модели концептуализации ситуации посредством семантической деривации глаголов *сидеть, лежать, стоять*, а только наиболее, на наш взгляд, показательные.

Итак, проведенное исследование позволило выявить национальную специфичность некоторых русских моделей концептуализации ситуации существования, которая заключается в том, что абстрактная идея ‘быть’ интерпретируется посредством конкретных прототипических физических состояний человека ‘сидеть, лежать, стоять’, чувственно-воспринимаемых и наблюдаемых. Этот образный, в чем-то избыточный с точки зрения строго логической схемы данной ситуации и явно мифологизированный способ представления ситуации **существования** или **пребывания где-либо** во многом противопоставлен рациональному способу представления данной ситуации через обобщенную и десеман-

тизованную идею бытия, реализованную в современных западных языках.

Русские естественноречевые модели представления указанных ситуаций вполне коррелируют с описанными в работах Дж. Лакоффа и других когнитивистов эффектами **концептуальной метафоризации** ориентационного типа, которая имеет своим источником особенности устройства и функционирования человеческого тела, особенности человеческого опыта взаимодействия с миром. Базовые концептуальные представления о теле формируют систему отвлеченных понятий нашего внутреннего мира, они в конечном счете структурируют наше обыденное мышление, отношение к миру и поведение, откладываясь в выражениях нашего языка [4].

В когнитивистике указанную «телесность» моделей языковой концептуализации мира иногда называют **conceptual embodiment** (концептуальная «воплощенность» в этимологическом смысле слова — от «плоть / тело»). Видимо, диахронически она была естественным образом присуща всем без исключения языковым сооб-

ществам на ранних этапах их развития. И только в процессе развития цивилизации и культуры семантические сферы многих языков эволюционировали и далеко прошли по пути схематизации и рационализации моделей языкового освоения мира (в частности, современные западные языки). Русский же язык во многом сохраняет именно архаичные, телесно-чувственные способы языковой концептуализации действительности по образу и подобию человека.

Список литературы

1. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
3. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 327 с.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.

ACTIVE DERIVATIONAL PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

T.B. Radbil

The work examines some cognitive national-specific models of conceptualization of situation in the modern Russian. The author analyses usage of verbal lexemes of motion and physical state in the aspect of semantic derivation.

Keywords: national-specific conceptual models, the modern Russian, semantic derivation.